

Племенной Мир

Н. Б. ВИНОГРАДОВ (Челябинск)

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ОБЛИКА ОДЕЖДЫ АЛАКУЛЬСКИХ ЖЕНЩИН (по результатам изучения могильника Кулевчи VI)

Экспедицией ЧГПИ в 1979–1980, 1983 гг. во время исследования могильника бронзового века Кулевчи VI в Варненском районе Челябинской области была получена уникальная серия материалов, связанных с головными уборами, одеждой и обувью женщин алакульского и алакульско-федоровского времени. В предварительных публикациях результатов изучения могильника Кулевчи VI (Виноградов Н.Б., 1984; материалы раскопок 1983 г. находятся в печати) автор не имел возможности подробно остановиться на описаниях отдельных сюжетов. В какой-то степени настоящая статья компенсирует недостатки предварительной публикации.

В данной статье будут проанализированы комплексы украшений, позволяющие судить об облике головных уборов, одежды и обуви из шести погребений могильника. Ниже предлагается их описание.

1. В периферийной яме 2 кургана 1 расчищено погребение двух подростков, положенных на левом боку, скорченно, головами на ЮЗ (рис. 1). Погребение сопровождалось шестью алакульскими сосудами. Возраст погребенных: скелет 1 — 8 лет; скелет 2–9 лет*. В области скелета 1, лежавшего за скелетом 2, под ЮВ стенкой ямы, были обнаружены многочисленные украшения. На остатках черепа и под ними, у углов челюстей — два бронзовых кольца диаметром 6,7–7,0 см, обернутые золотой фольгой. В области шейных позвонков — две низки фаянсовых бус. В средней части верхней низки фаянсовые бусы перемежаются пятью бронзовыми бусинами, свернутыми из проволоки прямоугольного сечения. За черепом, у затылочной кости, расчищены два ряда бронзовых обойм (рис. 2), первоначально, видимо, нанизанных на узкие ремешки. У верхнего края низок — остатки двух бронзовых «зажимов». Они лежали перпендикулярно остальным обоймам и были украшены несложным чеканным орнаментом. Внутри «зажимов» — бурый органический тлен с волокнистой структурой. На нижних окончаниях лент бронзовых обойм — по одной бронзовой листовидной привеске с отверстием у верхнего края для крепления к ремешку. В средней части лент обойм, перпендикулярно им, лежала бронзовая спиралевидная пронизь на органической «стяжке», скреплявшей обе ленты. Здесь же лежали два зуба *Canis* с отверстиями в корневой части. На остатках костей предплечья, в области запястий, — по два бронзовых браслета выпукло-вогнутого сечения. У дистальных эпифизов берцовых костей расчищены по низке бронзовых бус, свернутых из проволоки прямоугольного сечения.

2. При исследовании ямы 2 кургана 3 (рис. 3) впервые в истории изучения андроновских древностей было надежно доказано помещение кремированного праха умершей в объемное атропоморфное изображение. Помимо двух пар алакульско-федоровских сосудов, погребенные были сопровождаемы беспрецедентно большим количеством украшений, располагавшихся двумя группами (Виноградов Н.Б., 1984).

Первое скопление украшений состояло из семи бронзовых браслетов выпукло-вогнутого сечения двух типов: с заваленными концами и с щитками, двух бронзо-

*Антропологические определения выполнены Г.В.Рыкушиной.

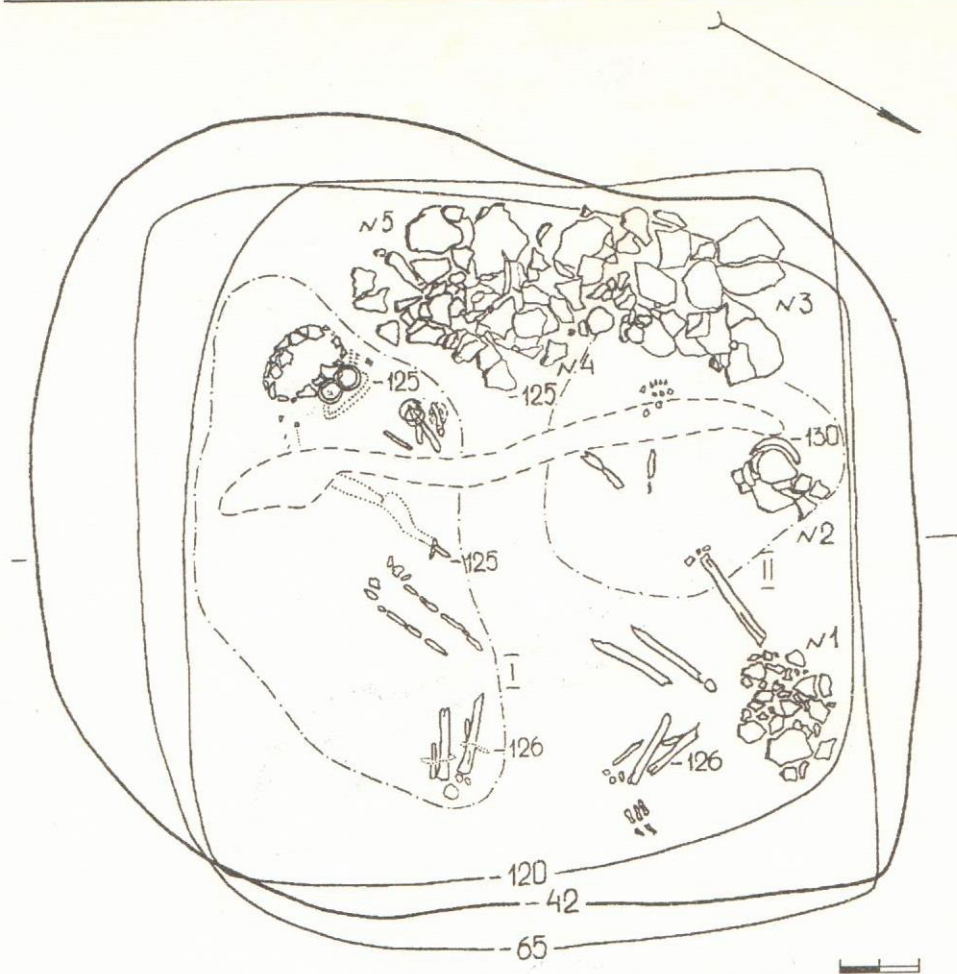

Рис. 1. Могильник Кулевчи VI. Курган 1. Яма 2. Остатки на дне.

вых височных колец, восьми бронзовых подвесок в полтора оборота, обернутых золотой фольгой и нанизанных на нить или шнур. Здесь также обнаружены две бронзовые ромбовидные привески, пять крестообразных бронзовых привесок, четыре украшения из створок раковин моллюсков, три зуба *Canis* с отверстием в корневой части, крупная бронзовая обойма, орнаментированная чеканным орнаментом, две спаренные бронзовые пронизи из витой, круглой в сечении проволоки, полусферическая бронзовая бляшка, бронзовые пронизи, большое количество бронзовых и фаянсовых бусин разных размеров, а также две сильно разрушенные бронзовые пластинки. Первоначально бусы располагались низками. Компактность нахождения украшений подтверждает предположение о первоначальном их помещении в некую емкость. В большинстве перечисленные украшения принадлежали головному убору.

В полуметре от описанного скопления украшений находились два ряда бронзовых обойм, ориентированные с ЮЗ на СВ (рис. 4). Ряды начинались крупной бронзовой обоймой и заканчивались двумя бронзовыми листовидными привесками с бронзовыми же накладками. Десятью сантиметрами выше привесок «ленты» обойм соединялись пронизью из свернутой в трубочку бронзовой пластинки. Оба конца пронизи были «подчеркнуты» бронзовыми бусинами. Любопытно то, что одна из

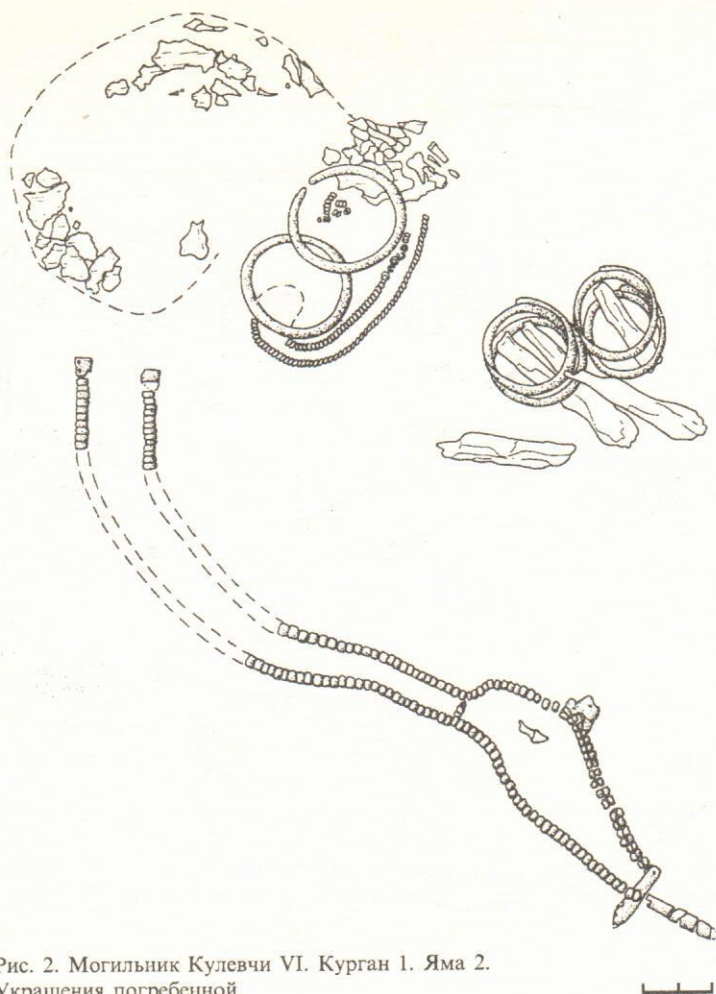

Рис. 2. Могильник Кулевчи VI. Курган 1. Яма 2.
Украшения погребенной.

«лент» обойм оказалась разорванной (разрезанной ?) и обернутой узлом вокруг второй «ленты» в верхней трети общей длины. Предполагается, что описанные выше ряды обойм с привесками являются остатками накосного украшения погребенной. Вероятно, накосник являлся частью декора «куклы».

Как украшения обуви той же «куклы», видимо, должны быть интерпретированы две низки бронзовых бус у СВ стороны пятна кальцинированных костей.

Второе погребение в яме 2 кургана 3 было сопровождено семью компактно уложенными бронзовыми браслетами выпукло-вогнутого сечения двух типов, а также украшением из низок бронзовых и фаянсовых бусин, бронзовых пронизей и двух бронзовых пластинок. К сожалению, оно сохранилось фрагментарно.

3. На дне ямы 1 раскопа 4 было расчищено коллективное погребение, содержащее скелеты четырех захороненных здесь с алакульскими сосудами взрослых людей. Три из них (№№1, 3, 4) принадлежали женщинам. Скелет 1 (женщина 25–30 лет) под СВ стенкой ямы (рис. 5) в верхней части был сильно потревожен грабителями. Из грабительского вкопа извлечены две бронзовые подвески в полтора оборота, обернутые золотой фольгой, фрагменты аналогичной бронзовой подвески, бронзовые полусферические и рифленые бляшки с тисненным орнаментом, бронзовые обоймы, фрагменты бронзовых браслетов выпукло-вогнутого сечения и большое количество

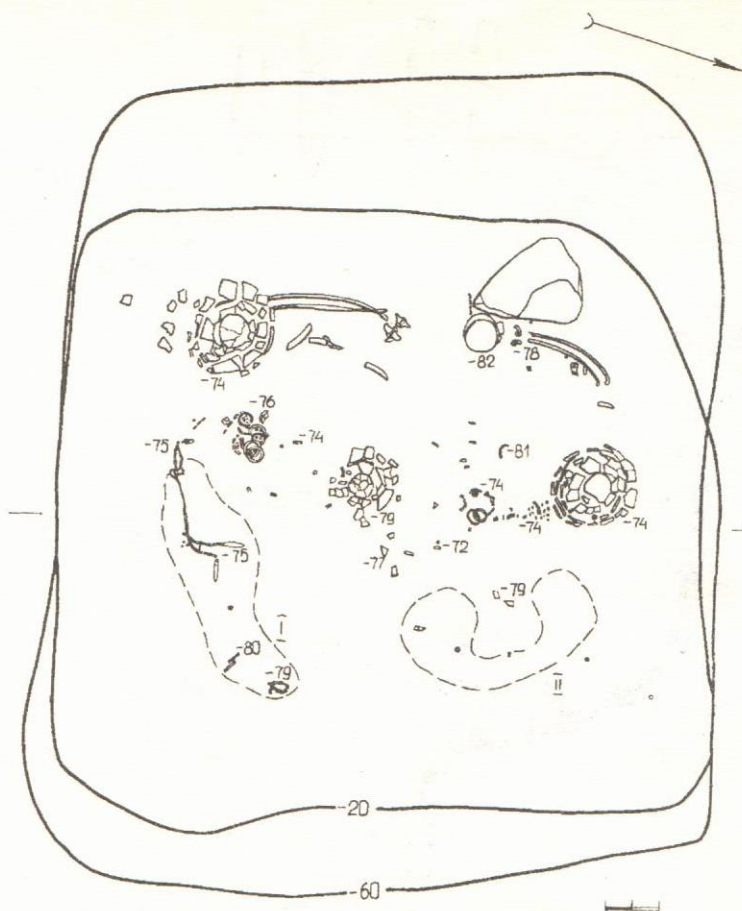

Рис. 3. Могильник Кулевчи VI. Курган 3. Яма 2.
Остатки на дне.

фаянсовых бус*. Непотревоженными оказались лишь кости ног погребенной 1. По всей длине берцовых костей — фаянсовые бусы, фрагменты бронзовых обойм, полусферические бронзовые бляшки. На дистальных частях берцовых костей — две низки бронзовых бус (рис. 6). В них бронзовые бочонковидные бусы чередовались с круглыми бронзовыми и фаянсовыми бусинами. Близ описанных выше низок бус находились две пары коротких низок фаянсовых бусин. У их нижних окончаний — две пары небольших листовидных бронзовых привесок. У костей стоп лежали бронзовые рифленые бляшки, бронзовые полусферические бляшки. Между ними располагался ряд бронзовых обойм.

Описанные выше украшения на костях ног связываются с обувью погребенной 1. Скелет 2 принадлежал мужчине 35–45 лет. Он был положен на левый бок, скорченно, головой на ЮЮВ. Вплотную к нему, на правом боку, скорченно, находился скелет погребенной 3 (возраст — 18–20 лет). Ее раздавленный череп покоился на костях левой руки погребенного 2, а кости ног располагались поверх костей ног погребенного 2.

На костях черепа погребенной 3 и рядом с ним были расчищены остатки головного убора (рис. 7). В области теменной и затылочной частей черепа были зафиксиро-

*Химический анализ бус сделан В.Галибиным.

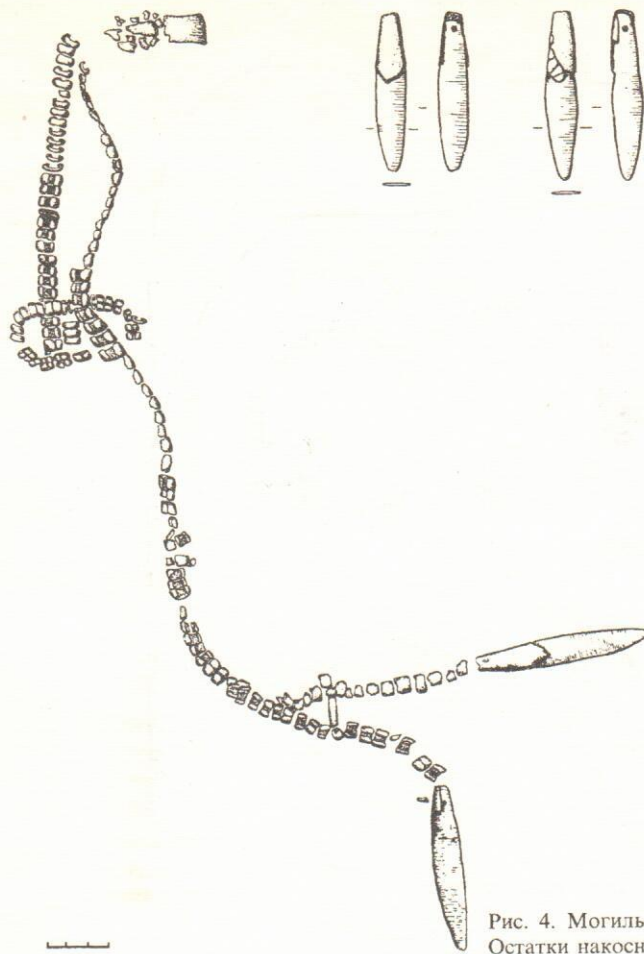

Рис. 4. Могильник Кулевчи VI. Курган 3. Яма 2. Остатки наконечного украшения на дне ямы.

рованы расположенные двумя concentрическими окружностями (?) бронзовые полу-сферические и рифленые бляшки. В промежутках между бронзовыми бляшками — фаянсовые бусы.

В области лицевого отдела черепа погребенной находились бронзовые рифленые бляшки различных размеров. Они обрамляли кости черепа. Всего здесь было 8 (?) бляшек, причем, самая крупная из них находилась в области подбородка, а самые маленькие — в области височных долей черепа. Любопытно то, что с одной стороны от центральной (самой крупной) бляшки было четыре бляшки меньших размеров, а с другой — лишь три, причем, крайняя из них и относящиеся к ней бронзовые обоймы, в отличие от остальных, лежали обратной стороной вверх. Возможно предположить, что первоначально бляшек было девять. В периферийных частях бляшек — по четыре (?) пары отверстий для пришивания. Между бляшками находилось по 3–4 бронзовые обоймы двух типов: гладкие и «гофрированные» (рис. 7), явно первоначально нанизанные на тонкий ремешок. С внешней стороны ряд бляшек, соединенных обоймами, был «окаймлен» фаянсовыми бусами. В области челюстей расчищены два бронзовых височных кольца. Рядом с ними — скопление фаянсовых бусин. Такие же бусины — в районе шейных позвонков.

У затылочной части черепа было прослежено начало двух рядов бронзовых, плотно прилежавших друг к другу, обойм. Первоначально они, несомненно, крепи-

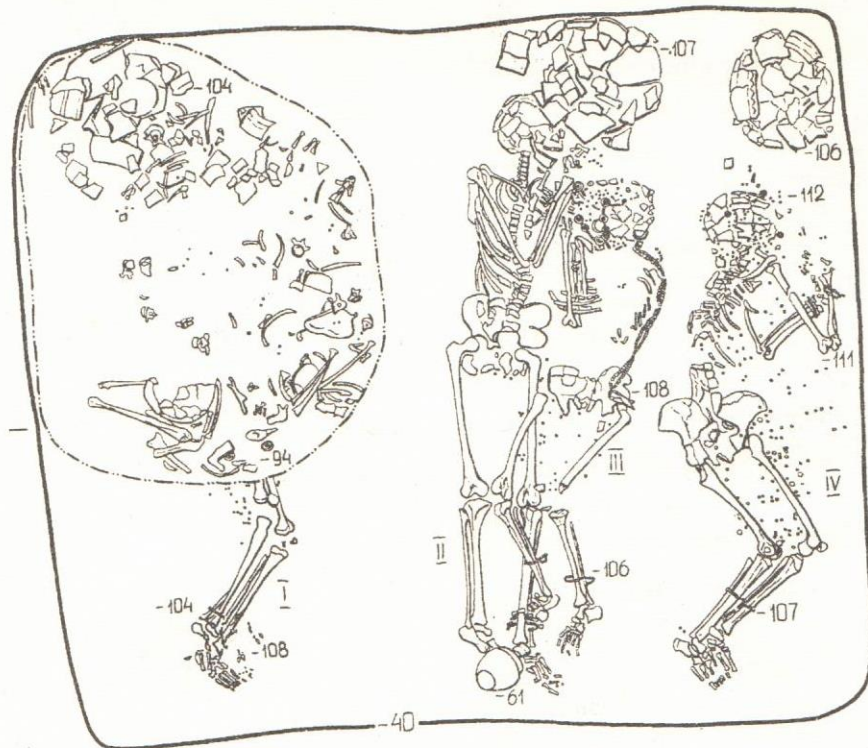

Рис. 5. Могильник Кулевчи VI. Раскоп 4. Яма 1. Остатки на дне.

лись на узких кожаных (?) ремешках. Каждый ряд начинался обоймой больших, чем иные, размеров. На противоположном конце лент бронзовых обойм, в области тазовых костей, находились бронзовые листовидные привески (рис. 7).

На костях рук, в области запястий, были расчищены пять бронзовых браслетов: три на левой руке и две на правой.

На фалангах пальцев рук обнаружены 7 бронзовых перстней с S-видным щитком двух типов. На уровне пояса — два зуба *Canis* с отверстием в корневой части. По всей длине бедренных костей, до уровня коленного сгиба, — фаянсовые бусы. В дистальной части берцовых костей обнаружено по одной низке бронзовых бус.

Погребенная 4 (возраст 50–60 лет) была уложена в могилу на левый бок, скорченно, головой на ЮЮВ (рис. 5). В области черепа погребенной также были исследованы остатки головного убора, точнее, его декор, позволяющий воссоздать его облик. На теменной и затылочной частях черепа находились небольшие рифленые бляшки. Первоначально они, видимо, располагались по окружности. Между бляшками находились фаянсовые бусы. Под нижней челюстью и затылочной частью черепа обнаружены два бронзовых височных кольца. На них оказались две бронзовые височных колец фиксировались скопления фаянсовых бусин без видимого порядка. В области шейных позвонков также находилось скопление фаянсовых бусин.

На костях рук, ближе к запястьям, расчищены две пары бронзовых браслетов выпукло-вогнутого сечения. В области костей рук, ребер, тазовых и бедренных костей, до уровня коленного сгиба, встречено большое количество фаянсовых бусин. У нижних окончаний берцовых костей — по одной низке бронзовых бусин.

4. В яме 5 раскопа 4 были захоронены не менее четырех человек с сосудами петровско-алакульского и алакульского облика. Грабители разрушили ЮВ части площади ямы. Отсюда происходят кости двух человек. Погребальный инвентарь здесь сохранился частично и в переотложенном состоянии. Он включает зубы *Canis* с отверстием в корневой части, две бронзовые подвески в полтора оборота, более 10 бронзовых, 30 фаянсовых бусин, 4 бронзовые полусферические бляшки и сильно окисленные фрагменты других бронзовых украшений.

Остатки комплекса украшений девочки 10–11 лет найдены *in situ*. Умершая была положена в могилу на правый бок, скорченно, под СЗ стенку ямы, рядом со взрослым мужчиной, лежавшим на левом боку, скорченно (рис. 8).

В области черепа погребенной без видимого порядка лежали бронзовые полусферические бляшки и фаянсовые бусы. Рядом с шейными позвонками найдены три клыка *Canis* с отверстиями в корневой части. Скелет оказался сильно разрушен норой, а украшения смещены из первоначального положения. За спиной погребенной находился бронзовый обруч (венчик?), три бронзовые бляшки с чеканным орнаментом, четыре бронзовые бочонковидные бусины и несколько бусин из фаянса. В непосредственной близости от остатков бедренных костей были найдены восемь бронзовых полусферических бляшек и более десятка фаянсовых бус. У нижнего окончания берцовых костей локализовались две низки бронзовых бусин. Пожалуй, это единственное, что осталось *in situ*. Из норы в дне ямы извлечено большое количество фаянсовых бусин, две бронзовые подвески в полтора оборота, обломки бронзовых колец, бронзовые полусферические бляшки и 9 зубов *Canis* с отверстиями в корневых частях.

5. Определенную информацию об особенностях женской одежды дало исследование ямы 31 раскопа 4. Она была сильно разрушена грабителями. Тем не менее, удалось установить, что яма содержала индивидуальное погребение взрослой женщины, положенной на левый бок, скорченно, с алакульским сосудом. Непотревоженными остались лишь берцовые кости и кости стоп (рис. 9). В районе коленного сустава локализовались более 250 фаянсовых бусин, 16 бронзовых полусферических бляшек с отверстиями для пришивания на противоположных концах диаметра и две бронзовые рифленые бляшки с концентрическим орнаментом и отверстиями для пришивания. Часть украшений находилась на черном органическом тлене, покры-

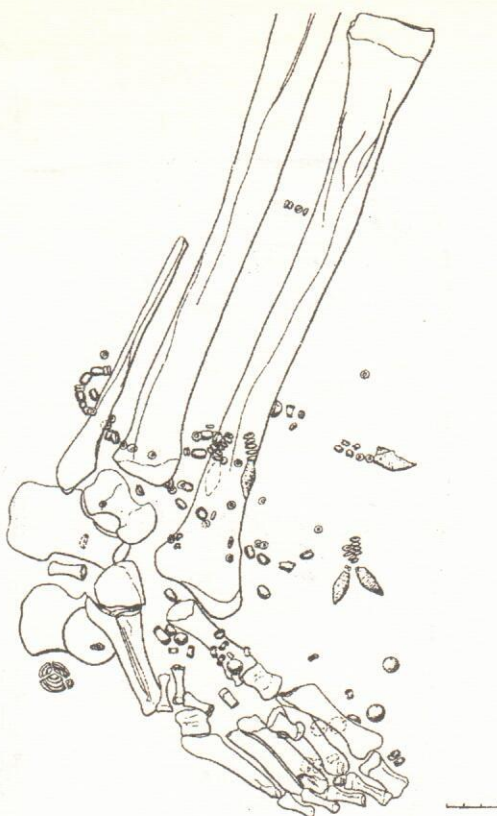

Рис. 6. Могильник Кулевчи VI. Раскоп 4. Яма 1. Украшения обуви погребенной 1.

Рис. 7. Могильник Кулевчи VI. Раскоп 4. Яма 1. Украшения головного убора и кос погребенной 3.

Рис. 11). Его внутренний диаметр примерно равен 9–11 см. В 1,5 см от окончаний обруча пробиты отверстия диаметром 1,5 мм. В промежутке между окончаниями обруча располагался обломок крупной бронзовой обоймы. У окончаний обруча фиксировалось начало четырех рядов бронзовых обойм (рис. 11). Их размеры — от 4×7 мм до 6×9 мм. В каждом из рядов было примерно по 60 обойм. Ряды обойм заканчивались бронзовыми листовидными привесками. На верхних частях трех из них сохранились бронзовые накладки. Длина каждого из рядов обойм — около 30 см. К ним, видимо, крепились найденные здесь же зубы *Canis*. Как элемент описанного выше украшения, видимо, следует понимать и фрагментированную пронизь из свернутой в трубочку бронзовой пластинки, найденную меж обломков реберных костей.

вавшем кости. Удалось установить линейное расположение небольшой части фаянсовых бусин.

На дистальных частях берцовых костей были расчищены две низки бус из бронзовой проволоки, украшавших обувь погребенной.

Из грабительского вкопа были извлечены: костяное кольцо с двумя сквозными отверстиями, обломки бронзовых браслетов выпукло-вогнутого сечения, фрагмент бронзовой обоймы, многочисленные фаянсовые бусы и зуб *Canis* с отверстием в корневой части.

6. Изучение ямы 3 кургана 5 (рис. 10), где было совершено тройное детское захоронение (с алакульскими сосудами), также дало материалы по обсуждаемой проблеме. Возраст погребенных — 6–7 лет. Погребенные 1 и 2 были положены скорченно, лицом друг к другу, причем, погребенный 1 на левый бок, а погребенная (?) 2 — на правый. Погребенной (?) 3 было придано положение скорченно, на левом боку. Все захороненные в яме 3 дети были ориентированы головами на ВСВ.

Большое количество украшений было связано со скелетом 2. За черепом были обнаружены бронзовая бусина, половинка костяной муфточки, зуб *Canis* с отверстием. У шейных позвонков лежали мелкие обломки рифленой бронзовой бляшки с чеканным орнаментом. Меж костей раздавленного черепа встречена овальная бронзовая бляшка со сквозным отверстием. У затылочной части черепа находился фрагментированный бронзовый выпукло-вогнутого сечения обруч с несомкнутыми концами (рис. 11).

Обруч, «ленты» обойм с привесками и зубами животных, обломки бронзовых бляшек у черепа погребенной, а, возможно, и костяная муфта поняты как принадлежности головного убора и украшения кос.

На костях рук, в области запястий, обнаружено по одному браслету из овальной в сечении бронзовой проволоки со спиралевидными щитками на окончаниях, а среди костей правой и левой кисти рук — два бронзовых проволочных двухвитковых перстня со спиралевидным щитком. На берцовых костях близ дистальных эпифизов зафиксировано по низке бронзовых проволочных бус.

Чрезвычайно скромным оказался набор украшений, связанных с погребенной (?) 3. У правой ключицы находилась овальной формы бронзовая бляшка с четырьмя сквозными отверстиями. У тазовых костей лежали две фаянсовые бусины, а у локтевого сгиба — бронзовая обойма. В порядке предположения возможно утверждать, что в данном случае мы, скорее всего, имеем дело с переотложенным положением предметов. Во всяком случае, овальные бронзовые бляшки, обнаруженные у скелета погребенной 2 и рядом со скелетом погребенной 3, имеют практически одинаковые метрические характеристики.

Приведенное выше описание остатков комплексов украшений в алакульских и алакульско-федоровских женских погребениях могильника Кулевчи VI само по себе говорит о неординарности памятника. В самом деле, ни один из известных мне степных могильников позднебронзового времени не демонстрировал ничего подобного.

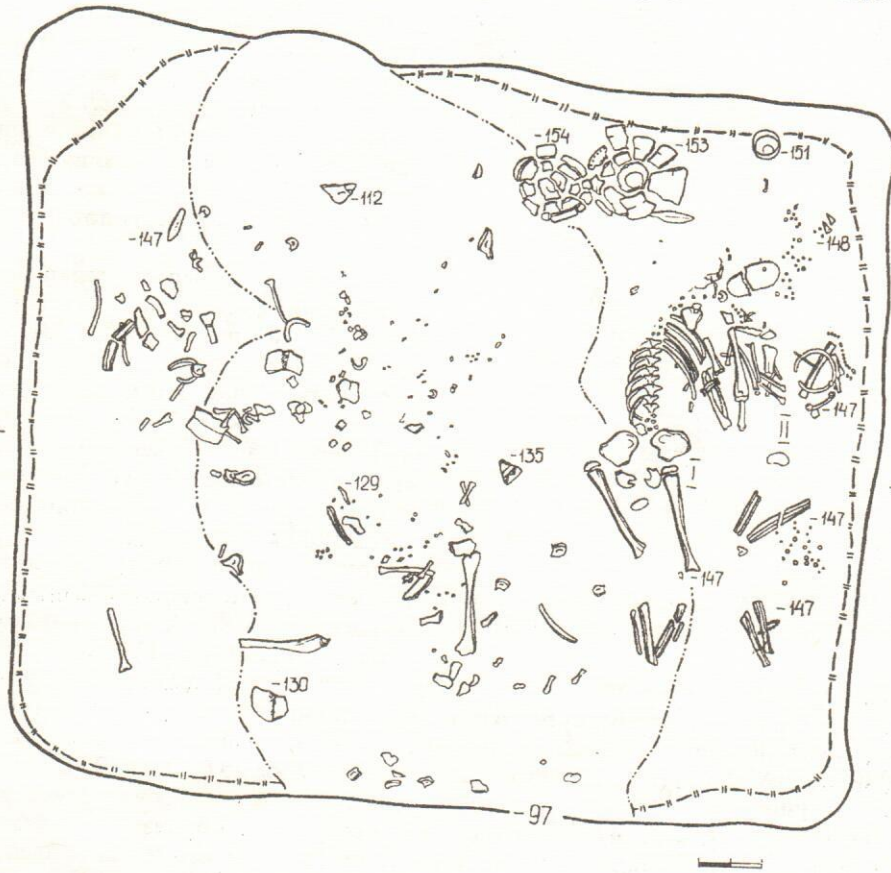

Рис. 8. Могильник Кулевчи VI. Раскоп 4. Яма 5. Скелеты погребенных и остатки погребального инвентаря.

Всего в результате изучения могильника Кулевчи VI получены пять относительно полных комплектов женских украшений и четыре с частичной сохранностью. Первые в истории изучения алакулских древностей появились возможность корреляции в пределах одного памятника целой серии археологических материалов подопного рода с антропологическими определениями. В описанных потребностях могильника оказались захоронены женщины разных возрастов, в диапазоне от 6 до 50-60 лет. Даже будут даны возможные характеристики головных уборов, одежды и обуви, реконструированные через микропланиграфию украшений, к ним относившихся.

1. Остатки головных уборов.

На основании наблюдений за микропланиграфией украшений можно утверждать, что шерстяные или кожаные головные уборы потребовались в ней женщины были сравнительно небольшого объема и, скорее всего, были снабжены «наушниками» (Тен-люхов С. А., 1927, С. 80), либо затканными частями. Известны два варианта оформления

Рис. 9. Могильник Кулевчи VI. Раскоп 4, Яма 31. Украшения одежды и обуви in situ.

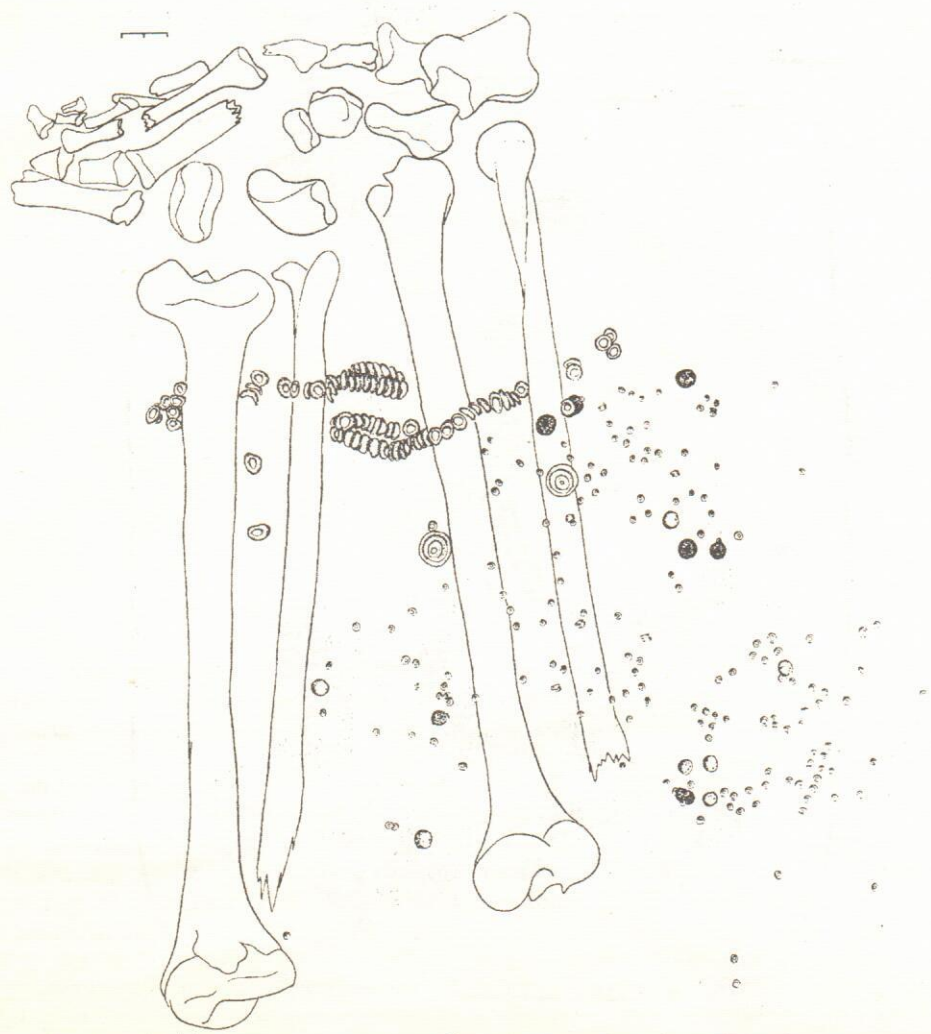

Рис. 10. Могильник Кулевчи VI. Курган 5. Яма 3. Остатки на дне.

мления верха шапочки: с кисточкой (султанчиком с муфточкой из кости, подобной найденной у головы погребенной 2 в яме 3 кургана 5 (Сальников К. В., 1952. С. 70) или же без этого элемента (Усманова Э. Р., Ткачев А. А., 1993. С. 77, рис. 1). С шапочкой устойчиво связываются не только бронзовые, фаянсовые бусы и бронзовые бляшки, первоначально регулярно расположенные, но и крупные бронзовые кольца. В отличие от Э. Р. Усмановой, считающей, что они крепились непосредственно в мочках ушей (Усманова Э. Р., Ткачев А. А., 1993. С. 76), я полагаю, что способы крепления этих украшений, скорее всего, были иными: они крепились либо к шапочке, либо на начельной ленте — венчике. Этнография знает подобные примеры (Васильева Г. П., 1979. С. 193).

В ряде случаев составной частью головного убора женщин, погребенных в могильнике Кулевчи VI, являлся головной венчик (погребенная в яме 2 кургана 1; у погребенной 2 в яме 1 раскопа 4 и у погребенной 2 в яме 3 кургана 5). Он мог быть как кожаным, текстильным, так и металлическим (погребенная 2 в яме 3 кургана 5) (рис. 12). Венчик декорировался бронзовыми украшениями. Яркой иллюстрацией к этому сюжету являются материалы, относящиеся к погребенной 2 в яме 1 раскопа 4. Ее шапочка (рис. 12), украшенная рядами нашитых на нее бронзовых, фаянсовых бус

и бронзовых бляшек, сопрягалась с кожаным, скорее всего, венчиком. На нем были нашиты 9 (?) круглых бронзовых бляшек с тисненым на них центрическим орнаментом. Самой крупной среди них была центральная. Ее диаметр — 3,7 см. Размеры прочих бляшек, по мере удаления от центральной, постепенно уменьшались. Крайние из них по диаметру чуть больше 3 см. Нужно подчеркнуть, что бляшки снабжены четырьмя парами противлежащих отверстий для нашивания. Расстояние между парами отверстий на центральной бляшке определяет минимальную ширину лент. Между круглыми бляшками предполагается наличие отрезков (?) узких кожаных (?) ленточек, унизанных бронзовыми обоями двух видов. Причем, в случае с венчиком из ямы 1 раскопа 4, отрезки рифленых обоями «подчеркивали» с двух сторон центральную бляшку. Расположение остатков венчика относительно остатков черепа поребенной (образлы лицевой отле) может быть объяснено поспорным ным смешением, поскольку голова поребенной покоилась здесь на руке захоронен-

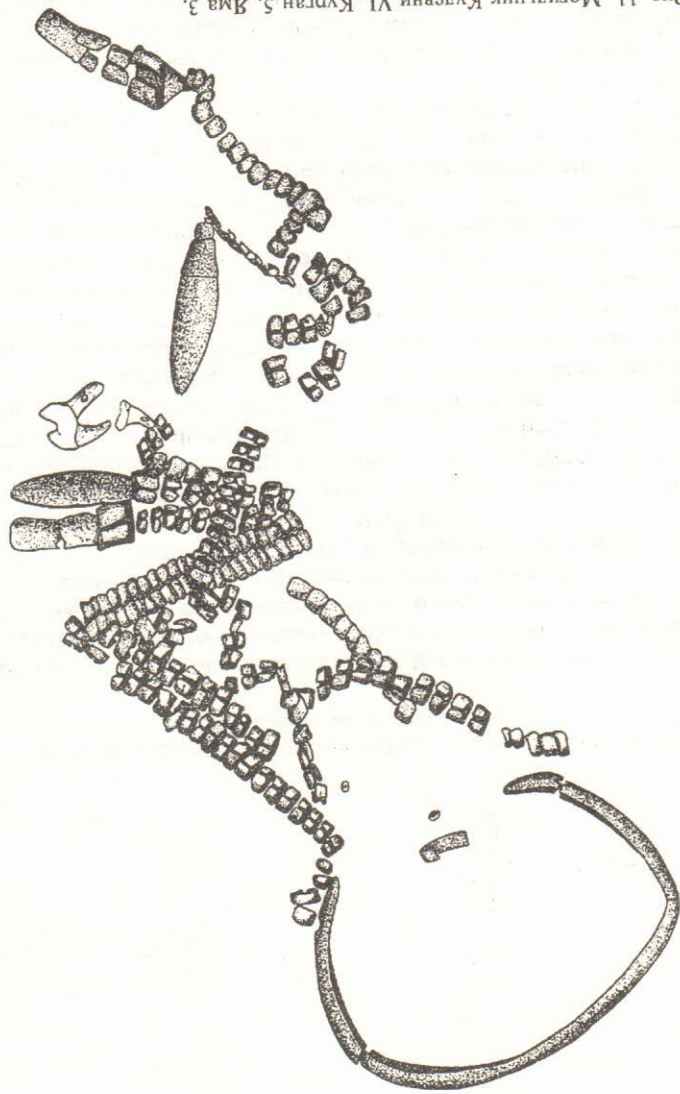

Рис. 11. Мотильник Кулевчи VI. Курган 5. Яма 3. Украшения головного убора и кос поребенной 2.

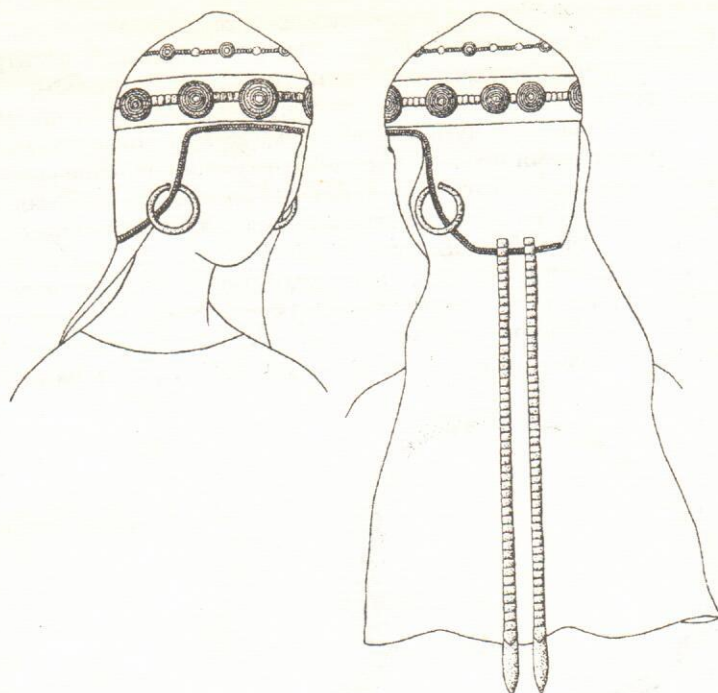

Рис. 12. Могильник Кулевчи VI. Раскоп 4. Яма 1. Вариант реконструкции головного убора погребенной 3.

ного рядом мужчины. Это обстоятельство делает возможным смещение венчика и шапочки (см. микропланиграфию украшений шапочки относительно черепа). Близкие описанному варианты использования круглых бляшек демонстрируют, как мне кажется, девять бляшек и парные пронизи между ними из погребения в могильнике Балыкты (Ткачев А. А., 1991. С. 70) и бляшки из известного погребения 13 Алексеевского могильника (Кривцова-Гракова О. А., 1948. С. 69).

С венчиком или с шапочкой были связаны узкие кожаные ремешки — накосники, унизанные бронзовыми обоймами и спускавшиеся по спине. Обратим внимание на тот факт, что количество ремешков в накосниках из могильника Кулевчи VI колеблется от двух (яма 2 кургана 1, яма 2 кургана 3, яма 1 раскопа 4) до четырех (яма 3 кургана 5). В ряде случаев (яма 2 кургана 1, яма 2 кургана 3) крепление лент накосника могло осуществляться как непосредственно к нижнему краю шапочки, так и к тыльной части начальной ленты (бронзового венчика). Причем, в последнем случае наличие шапочки не кажется обязательным (рис. 13). Покрывало, поверх которого располагалось накосное украшение, могло фиксироваться и металлическим венчиком. Примеры подобных венчиков имеются. Однако обнаруженный в погребении в яме 3 кургана 5 бронзовый венчик настолько мал (его диаметр 9–10 см), что может быть истолкован как имитация. Подчеркнем также, что этот элемент декора связан с погребениями как девочек от 6 до 11 лет, так и молодых женщин (18–20 лет) и отсутствует (при наличии прочих атрибутов) в погребениях женщин почтенного (50–60 лет) возраста.

2. Для обсуждения облика одежды алакульских женщин определенный ряд фактов предоставляют остатки погребения в яме 31 раскопа 4. Набор украшений, встречаемых здесь в районе берцовых костей погребенной (фаянсовые бусы, миниатюрные полусферические и небольшие круглые бронзовые бляшки), позволяет предпо-

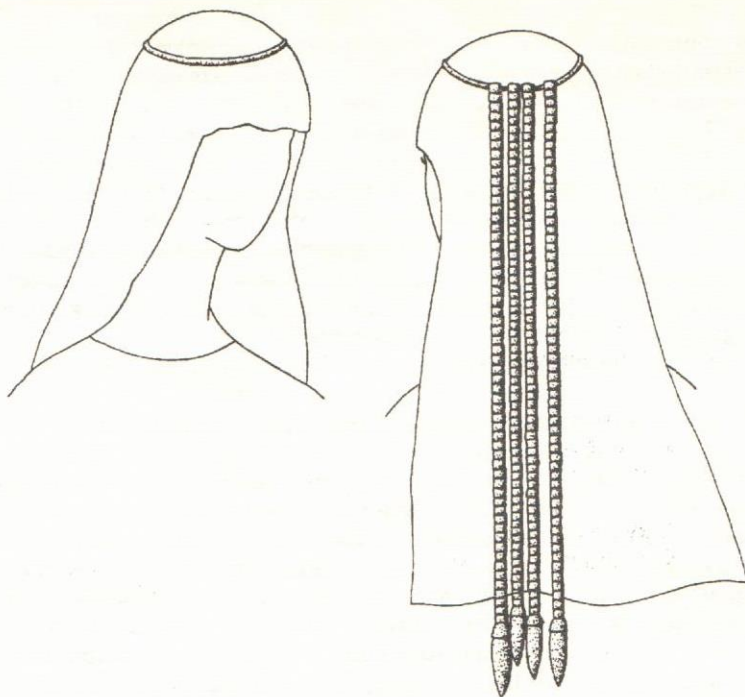

Рис. 13. Могильник Кулевчи VI. Курган 5. Яма 3. Погребенная 2.
Венчик и наkosное украшение. Вариант реконструкции.

ложить, что перед нами — остатки декора платья погребенной. Довольно уверенно можно говорить о том, что бронзовые полусферические бляшки здесь были нашиты на нижний край платья, в то время как фаянсовые бусы были регулярно нашиты на его ткань выше. Нижний край платья, скорее всего, находился в районе коленного сгиба. Косвенно это подтверждает и микропланиграфия украшений.

3. Материалы по истории обуви алакульских женщин, приведенные в настоящей статье, разнообразны. Это, в первую очередь, низки бронзовых бус у нижних окончаний берцовых костей (рис. 6; 9). Мы склонны рассматривать их, в отличие от О.А.Кривцовой-Граковой (*Кривцова-Гракова О. А.*, 1948. С. 69) не как украшение подола одежды, а, вслед за К. В. Сальниковым (*Сальников К. В.*, 1951. С. 140) как оторочку верхнего края кожаной обуви. Судя по расположению низок бус, обувь не была высокой. С оформлением верха обуви связываются и парные короткие низки бус с миниатюрными ромбическими подвесками (яма 1 раскопа 4; погребенная 1). Они крепились спереди. Облик этих декоративных элементов позволяет утверждать, что на голенище обуви разрезы отсутствовали. Обращает на себя внимание и исключительно богатая декорировка обуви погребенной 1 из ямы 1 раскопа 4 (рис. 8) узкими ремешками, унизанными миниатюрными бронзовыми обоймами, бронзовыми полусферическими бляшками. К сожалению, их первоначальное взаиморасположение, исходя из имеющихся материалов, не может быть восстановлено. Ту же картину наблюдала и О. А. Кривцова-Гракова при исследовании Алексеевского могильника (*Кривцова-Гракова О. А.*, 1948. С. 69).

С тех пор, когда О.А.Кривцова-Гракова (*Кривцова-Гракова О. А.*, 1948. С. 69, 112–115, 163) и К. В. Сальников (*Сальников К. В.*, 1951. С. 138–141) на материалах Алексеевского и Алакульского могильников, впервые обрисовали контуры головных уборов, одежды и обуви алакульских женщин, фонд источников по этой проблеме

значительно пополнился трудами многих исследователей в Южном Зауралье и в Казахстане. На уровне обобщения обсуждаемая проблема получила развитие в работах Е. Е. Кузьминой (*Кузьмина Е. Е.*, 1986. С. 97–99; *Кузьмина Е. Е.*, 1994. С. 156–162) и Э. Р. Усмановой, А. А. Ткачева (*Усманова Э. Р.*, 1989. С. 116–118; *Евдокимов В. В., Усманова Э. Р.*, 1990. С. 66–80; *Усманова Э. Р., Ткачев А. А.*, 1993. С. 75–83; *Усманова Э. Р.*, 1995. С. 175).

Элементы алакульской женской одежды, в частности головной убор, понимаются указанными исследователями, прежде всего Э. Р. Усмановой, как части знаковой системы, указующие на целый ряд представлений пастушеских племен Южного Зауралья и Казахстана XV–XIV вв. до н.э., связанных как с идентификацией половозрастных групп алакульского общества, так и с магическими функциями отдельных видов украшений и головных уборов, в целом.

Результаты изучения материалов могильника Кулевчи VI позволяют сделать ряд выводов:

1. Характер остатков головных уборов подтверждает уже высказанное в литературе мнение о функции алакульского женского головного убора как культурного индикатора. За небольшим исключением алакульские женские головные уборы из районов Южного Зауралья и Казахстана демонстрируют монолитность, сформированность алакульской культуры как единого целого. К сожалению, серия остатков головных уборов (как и остальных элементов одежды и обуви алакульских женщин) не столь велика, чтобы уверенно говорить о порайонных их особенностях, тем более, о выделении возрастных групп алакульских женщин (*Усманова Э. Р., Ткачев А. А.*, 1993. С. 78–79). Так, по мнению тех же исследователей, нижняя возрастная граница появления нагосников 1 типа — 10 лет. Материалы могильника Кулевчи VI, казалось бы, позволяют раздвинуть возрастные рамки этой группы до 6–8 лет (яма 2 кургана 1, яма 3 кургана 5). Но только в том случае, если эти погребения не являются символическими «похоронами невест», широко известными в этнографической литературе (в частности, *Кармышева Б.Х.*, 1986. С. 167). Если это не так, то нужно признать, что первый акт процедуры инициации для алакульских девочек происходил по достижении ими возраста 6–8, а не 10 лет (*Кон И.*, 1988. С. 96).

2. Материалы из ямы 1 раскопа 4 (рис. 9) заставляют либо усомниться в существовании головного убора III типа (*Усманова Э. Р., Ткачев А. А.*, 1993. С. 77. рис. 1), либо предположить существование некоего его подварианта, в котором головной убор III типа сопрягался с нагосными украшениями 1 типа. Материалы из погребения 13 Алексеевского могильника также не противоречат высказанному соображению. К тому же, есть основания сомневаться в правильности предложенной Э. Р. Усмановой и А. А. Ткачевым интерпретации ряда бляшек с бусами и пронизями между ними как лицевой подвески, обрамлявшей лицо. Как представляется, бронзовые бляшки и обоймы у черепа погребенной 3 в яме 1 раскопа 4 логичнее рассматривать в качестве остатков головного венчика с основой либо кожи и нашитых на нее бляшек, обойм и бус в регулярном порядке. Место ряда бляшек в упомянутом погребении явно вторично. Косвенно это подтверждается расположением украшений собственно шапочки, сползшей на лицо погребенной. Причины этого смещения могут быть различны. В частности, нелишне будет повторить, что голова погребенной 3 покоилась при погребении на руке погребенного 2 в явно неустойчивой позиции. Кожаная (текстильная) начельная лента могла заменяться бронзовым венчиком (погребение 9 кургана 13 Алакульского могильника; убор погребенной 2 в яме 3 кургана 5 Кулевчинского могильника), что впервые установил К. В. Сальников (*Сальников К. В.*, 1952. С. 58). Неясным остается назначение бронзового обруча из ямы 5 раскопа 4. С одной стороны, его сечение не вполне подходит для использования обруча в качестве головного венчика. С другой, трудно представить способ функционирования этого предмета как шейной гривны. При надевании или снятии обруча он непременно должен деформироваться из-за особенностей выпукло-

вогнутого его сечения и небольшого расстояния между окончаниями. Впрочем, нельзя, конечно, исключить, что этот предмет мог быть изготовлен специально для погребальной церемонии.

Начельные ленты как в бронзовом веке, так и позднее широко известны в материалах различных культур. Для бронзового века достаточно указать на большую серию их в абашевских погребальных памятниках Среднего Поволжья (*Большов С. В., Кузьмина О. В.*, 1995. С. 109. Рис. 13). В раннем железном веке они обычны для скифо-сарматской среды (*Рикман Э. А.*, 1986. С. 16, 27).

Чрезвычайно важным представляется выделение Э. Р. Усмановой и А. А. Ткачевым II типа алакульских женских головных уборов (*Усманова Э. Р., Ткачев А. А.*, 1993. С. 77. Рис. 1). По своей типологии он, несомненно, продолжает традицию синташтинского времени (*Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В.*, 1992. С. 193. Рис. 99; С. 325. Рис. 188) и является дополнительным аргументом в пользу преемственности синташтинского и алакульского населения (во всяком случае в Южном Зауралье). Столь же важным представляется факт обнаружения типично алакульского накосного украшения (тип I по Э. Р. Усмановой и А. А. Ткачеву) с погребенной в яме 2 кургана 3, захороненной по федоровскому обряду и с алакульско-федоровской керамикой. Известная выборка остатков украшений головных уборов алакульских женщин убеждает в том, что именно накосники I типа становятся типичными в алакульское время и доживают до алакульско-федоровского. Традиция использования накосников II типа, зародившись в конце эпохи средней бронзы, в алакульское время исчезает окончательно.

Существенным пополнением фонда источников по истории алакульского женского головного убора нужно считать и остатки головного убора пожилой женщины из ямы 1 раскопа 4. Его можно предварительно реконструировать как шапочку небольшого объема, украшенную бронзовыми бляшками и бусами, снабженную бронзовыми височными кольцами с нанизанными на них бронзовыми подвесками в полтора оборота и фаянсовыми бусами. В сравнении с остатками головных уборов девочек и молодых женщин он отличается, в первую очередь, отсутствием украшений кос. Отсутствие накосника в этом случае должно прямо свидетельствовать о его особой функции, обусловленной возрастным статусом алакульских женщин (*Усманова Э. Р., Ткачев А. А.*, 1993. С. 78–79).

Как представляется, несмотря на существенное увеличение источниковой базы по обсуждаемому вопросу, она, тем не менее, остается все еще недостаточной для уверенного выделения возрастно-социальных групп алакульских женщин. Любая подобная попытка сегодня будет страдать известной степенью умозрительности и гипотетичности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Васильева Г. П.* Головные и накосные украшения туркменок XIX — первой половины XX в. // *Костюм народов Средней Азии.* М., 1979. С. 174–205.
2. *Виноградов Н. Б.* Кулевчи VI — новый алакульский могильник в лесостепях Южного Урала // *СА.* 1984. №3.
3. *Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В.* Синташта: памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Ч. 1. Челябинск, 1992.
4. *Евдокимов В. В., Усманова Э. Р.* Знаковый статус украшений в погребальном обряде (по материалам могильников андроновской культурно-исторической общности из Центрального Казахстана). // *Археология Волго-Уральских степей.* Челябинск: Чел.ГУ. 1990. С.66–80.
5. *Кармьшева Б. Х.* Архаическая символика в погребально-поминальной обрядности узбеков Ферганы. // *Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии.* М., 1986.
6. *Кон И. С.* Ребенок и общество (Историко-этнографическая перспектива). М., 1988.
7. *Кривцова-Гракова О. А.* Алексеевское поселение и могильник. // *ТГИМ.* Вып. 17. М.: ГИМ. 1948. С.55–169.

8. Кузьмина Е. Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня Фрунзе: Илим, 1986.
9. Кузьмина Е. Е. Откуда пришли индоарии? // Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М., 1994.
10. Рикман Э. А. Одежда народов Восточной Европы в раннем железном веке. Скифы, сарматы и гето-даки (середина I тыс. до н.э. — середина I тыс. н.э.) // Древняя одежда народов Восточной Европы. М.: 1986, Наука. С. 7–30.
11. Сальников К. В. Бронзовый век Южного Зауралья. Антоновская культура // МИА. 1951, №21. С. 94–151.
12. Сальников К. В. Курганы на озере Алакуль. // МИА. 1952. №24. С. 51–71.
13. Теплоухов С. А. Древние погребения в Минусинском крае. // Материалы по этнографии. Т. III. Вып. 2. Л.: Государственный Русский Музей. 1927. С. 57–112.
14. Ткачев А. А. К вопросу о соотношении алакульских и федоровских комплексов (по материалам могильника Балыкты) // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Тезисы докладов к Всесоюзной научной конференции. Барнаул, 1991. С. 71–73.
15. Усманова Э. Р. Андроновский могильник Лисаковский. // Маргулановские чтения. Тезисы конференции. Алма-Ата. 1989. С. 116–118.
16. Усманова Э. Р., Ткачев А. А. Головной убор и его статус в погребальном обряде (по материалам андроновских некрополей). // ВДИ. 1993. №2. С. 75–83.
17. Усманова Э. Р. О менталитете «федоровцев» и «алакульцев» в погребальном обряде (по материалам могильника Лисаковский) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Материалы конференции. Часть V. Кн. 1. Челябинск: Чел.ГУ. 1995. С. 171–177.

NEW DATA FOR RECONSTRUCTING THE LOOK OF ALAKUL WOMEN'S CLOTHING (RESULTING FROM THE STUDY OF THE KULEVCHI VI BURIAL GROUND)

N. B. Vinogradov

When excavating the Bronze Age necropolis of Kulevchi VI in the Varna district of the Chelyabinsk Region there were received new data for reconstructing headgears, clothes and footwear of the women who lived in the Alakul and Alakul-Fyodorovsky time. The article analyses decoration sets from six graves of the necropolis. The author believes that, despite the increase of the database on the problem, there is still little information for reliable singling out some age and social groups of Alakul women.

В. А. БУЛДАШОВ (Челябинск)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МИФОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА ПЛЕМЁН ГОРОХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Мифо-ритуальные системы племён лесостепной зоны Зауралья в раннем железном веке являются темой, фактически не затронутой исследователями. На сегодняшний день известна лишь одна работа Л.Н.Коряковой, в которой излагаются некоторые стороны мифологических представлений племён саргатской общности¹. Специальные исследования погребальной обрядности гороховской культуры, проведённые за последние годы, дали некоторые результаты, позволяющие дополнить имеющиеся знания. Целью данной статьи является реконструктивное моделирование ряда аспектов мировоззренческой картины мира гороховских племён во второй половине